

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 1 по 8 сентября 1959 г. в г. Улан-Баторе состоялся Первый международный конгресс монголоведов-филологов, организованный по инициативе Комитета наук и высшего образования Монгольской Народной Республики. На этом конгрессе впервые встретились монголоведы-филологи почти всех тех стран, где ведется систематическое изучение монгольской филологии.

Конгресс открылся 1 сентября 1959 г. вступительной речью председателя Комитета наук и высшего образования МНР проф. Цэвэгмидэ, в которой подчеркивалось, что монгольский народ и его правительство придадут огромное значение настоящему конгрессу, а также вкратце были отмечены достижения в деле развития монгольской национальной культуры и науки, особенно в области монгольской филологии.

Всего на конгрессе было прочитано 33 доклада на общефилологические, лингвистические и литературоведческие темы¹. Из общефилологического цикла наиболее интересными были доклад зав. кафедрой монгольского языка Монгольского гос. ун-та Пагвы «Монгольские сочинения в тибетской транскрипции» и доклад преподавателя того же университета Гомбожава «Монгольские сочинения на тибетском языке» (в прениях по этим докладам к сопоставлению привлекалась азербайджанская литература на персидском языке и приводились интересные факты наличия тибетских сочинений на монгольском языке). Эти доклады показали, что монгольская филология находится на пороге больших научных открытий, поскольку монгольские сочинения в тибетской транскрипции (собственно говоря, речь идет об использовании тибетского алфавита в применении к монгольскому языку) имеют исключительно важное значение для исследования истории монгольского языка. Учитывая значение этих научных открытий, сделанных молодыми учеными МНР, конгресс начал свою работу с обсуждения именно доклада Пагвы. К этому же общефилологическому циклу относятся также доклады проф. П. Рачневского (ГДР) «Датировка написания монгольской исторической хрони-

ки XIII в. „Чаган теүке“, монгольского ученого Цэвэла «Эпистолярный стиль в старых монгольских канцеляриях» и К. Сакамото (Япония) «Монголоведение в Японии» (о монголоведении в других странах участники конгресса могли узнать лишь в ходе частных собеседований).

Тематика большей части докладов (20 из 33) была лингвистическая, причем значительное внимание было уделено вопросам диалектологии. Интересное сообщение о достижениях в области развития монгольского языка и монгольского языкознания во Внутренней Монголии (КНР) сделал китайский ученый проф. Вэнь Дуцзянь. Зав. кафедрой монгольского языка Внутренне-Монгольского ун-та (г. Хухэхото) Чингэлтэй (КНР) прочитал доклад о фонетических и морфологических особенностях бааринского говора восточномонгольского диалекта (в соответствии с классификацией монгольских диалектов, предложенной докладчиком). Все участники конгресса получили обстоятельную монографию об этом говоре, изданную на монгольском и китайском языках в Пекине и содержащую описание фонетики и морфологии бааринского говора (стр. 3—13, 14—49), тексты образцов местного фольклора (стр. 54—65) и словарь (стр. 66—96), причем тексты и словарь даны в фонетической транскрипции на латинской основе, а также в «перевode» на старописьменный монгольский язык². Эта монография представляет собой научный диалектологический труд, впервые появившийся на монгольском языке и отвечающий всем требованиям современной монголистики³. При обсуж-

² Чингэлтэй, Монгол келен-үү багарин-у аман аялгун-у абий-а-йин джүй ба үгес-үн джүй (Фонетические и морфологические особенности бааринского говора монгольского языка), Көкехота, 1959.

³ До сих пор по внутреннемонгольской диалектологии мы имели только известный труд А. Мостарта о фонетических особенностях ордосского диалекта [A. Mostaert, Le dialecte des Mongols Urdus (Sud.), Etude phonétique, «Anthropos», Bd. XXI, Hf. 5, 6, 1926; Bd. XXII, Hf. 1, 2, 1927, стр. 160—186]. Известный труд А. Д. Руднева «Материалы по говорам Восточной Монголии» (СПб., 1911) в настоящее время совершенно уста-

¹ В соответствии с характером нашего журнала в этом обзоре сообщается лишь о докладах на общефилологические и лингвистические темы.

дении данного доклада было сообщено, что под руководством Чингэлты в Институте языка и литературы Внутренне-Монгольского филиала АН КНР подготовлен к печати трехтомный труд по монгольским диалектам Китая, где содержатся тексты, словари и исследования диалектных материалов в сравнении с данными старописьменного монгольского языка, как это принято в монголистике.

Ц. Б. Цыдендамбаев (СССР) доложил конгрессу об итогах и задачах дальнейшего изучения бурятских диалектов. Чехословацкий монголовед П. Поуха сообщил о языке афганских монголов (мооголов). П. Аальто (Финляндия) рассказал о результатах своего исследования доселе не привлекавшего к себе внимания ученых калмыцкого «женского языка», т. е. специальной эвфемистической лексики, которая некогда применялась калмыцкими женщинами (например, *айта* «подходящий, хороший» в значении «сын, мальчик» вместо *көбүйн*; *бэлэргэ* «волчонок» в значении «волк» вместо *чон* и т. п.).

Доклад проф. Лувсанвандана (Монгольский гос. ун-т) «Монгольский язык и его диалекты» был посвящен критическому рассмотрению различных классификаций монгольских языков и диалектов. Как известно, монголоведы старшего поколения (А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов и др.) в свое время признавали лишь один монгольский язык, считая все остальные языки этой группы местными и племенными диалектами монгольского языка. В настоящее же время путем изучения обширного фактического материала, полученного в результате экспедиционных и стационарных диалектологических исследований монголоведов МНР, КНР и СССР, установлено, что монгольская группа состоит из ряда самостоятельных языков: монгольского, бурятского, ойратского, или калмыцкого, дагурского, монгорского, моогольского, или афганско-монгольского, дун-сяньского и бао-аньского⁴. Не упомянув о пяти последних монгольских языках, Лувсанвандан в своем докладе сделал попытку доказать, что бурятские и ойратские диалекты якобы являются местными ответвлениями монгольского языка. В заключение докладчик изложил свою схему диалектов мыслимого им единого монгольского языка в следующем виде: 1) центральный диалект: халхаский, чахарский и ордосский говоры; 2) восточный диалект: хорчинский и харачинский говоры; 3) западный диалект: говоры синьцзянских ойратов и волжских ойратов (т. е. основного населения Калмыцкой АССР); 4) северный диалект: говоры забайкальских и добайкальских бурят.

Так как доклад Лувсанвандана в обобщенном виде. Появившиеся в Японии небольшие заметки по внутренимонгольской диалектологии, к сожалению, являются для нас недоступными.

⁴ Здесь мы опускаем без упоминания некоторые частности в классификационных схемах монголоведов как современных, так и старшего поколения.

сношение изложенной схемы не содержал необходимой лингвистической аргументации, то данный вопрос на конгрессе широкому обсуждению не подвергся; лишь в докладах Г. Д. Санжеева и Ц. Б. Цыдендамбаева было отмечено, что бурятский и ойратский, или калмыцкий, языки являются самостоятельными национальными языками бурятского и ойратского народов. Оставляя в стороне вопрос о бурятском и ойратском языках, который для большинства монголоведов не является дискуссионным, отметим здесь, что включение ордосского и чахарского говоров вместе с халхаским в один «центральный диалект» не правомерно. Дело прежде всего в том, что халхаский «говор» относится к свистяще-шипящей группе монгольских диалектов (*дам* «дорога», *джолоо* «поводья», *час* «снег», *чоно* «волк»), тогда как первые — к шипящей (*джам*, *джолоо*, *час*, *чоно*), не говоря уже о существенных грамматических и лексических различиях между этими двумя группами монгольских диалектов.

Значительная часть лингвистических докладов освещала различные стороны вопроса об исторических связях монгольского с другими языками. Преподаватель Монгольского гос. ун-та Мишиг сделал интересное сообщение о результатах изучения хамниганского диалекта, носители которого (эвенки) проживают в некоторых восточных районах МНР и говорят одновременно как на эвенкийском, так и на монгольском языках. Докладчик вкратце рассказал об особенностях двуязычия этой группы эвенкийского населения и лингвистических явлениях, обусловленных этим двуязычием⁵. Хон Гимун (КНДР) рассказал об исторических связях корейского языка с монгольским, начало которых относится к XIII в. Речь, собственно, шла о проникновении монгольских слов в корейский язык, причем было отмечено, что эти слова сохранили ныне в корейском фонетические черты, свойственные монгольскому языку так называемого среднего периода. Польский монголовед С. Калужинский сделал доклад «Монгольские заимствования в якутском языке». Специфические черты этих заимствований позволяют установить, что интенсивные языковые связи якутов с различными монгольскими племенами имели место в течение весьма продолжительного времени, преимущественно в средний период развития монгольских языков (примерно XIV—XVII вв.). Американский алтаист У. Пош в своем докладе «Корневые слова алтайских языков», рассматривая имена числительные, а также анатомические, ботанические, зоологи-

⁵ О языке монгольских эвенков в литературе имеется лишь работа венгерской монголистки К. Кёгальми (K. U. Köhalmi, Der mongolisch-kamni-ganische Dialekt von Dadal Sum und die Frage der Mongolisierung der Tungusen in der Nordmongolei und Transbaikalien, «Acta orientalia», t. IX, fasc. 2, 1959.

ческие, хозяйственные, бытовые и другие термины, являющиеся общими для большинства алтайских языков, пытался обосновать гипотезу о родстве этих языков с точки зрения лексикологической, подчеркнув при этом, что общий корневой лексический состав в индоевропейских языках количественно оказывается менее значительным, чем в алтайских языках. Ю. Н. Р е р и х (СССР) сделал сообщение о монгольских заимствованиях в тибетском языке, а проф. Д а м д и н с у р е н (Монгольский гос. ун-т) — о тибетских заимствованиях в монгольском языке. Таким образом, эти два доклада, взаимно дополняя друг друга, положили начало восполнению существенного пробела в изучении исторической лексикологии монгольских языков: до сих пор подвергались специальному исследованию тибетские связи этих языков лишь с китайским, арабским, маньчжурским, тюркскими и индоевропейскими (прежде всего санскритским и иранскими).

Цикл лексикологических и лексикографических докладов на конгрессе был начат кратким, но весьма содержательным сообщением К. К ё г а л ь м и (Венгрия) «Две системы обозначения возраста животных у монголов». Докладчик установила в монгольском языке две системы обозначения возраста животных: 1) с использованием соответствующих корней числительных (*гу*: *гунан* «трехлеток» и *гунжин* «трехлетка»; *до*: *донон* «четырёхлеток» и *донжин* «четырёхлетка») и 2) с использованием названий различных зубов (*шүд* — «зубы», *шүдэлэн* «двухгодовалый»; *хяагаалан* «четырёхгодовалый» образовано от корня, наличного в слове *хяагаар* «край, граница, предел», т. е. здесь имеется в виду время появления крайнего зуба; *соёо* — «клык», *соёолон* «пятигодовалый»). Кёгалы привлекла к сопоставлению материалы венгерского, тибетского, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, причем использование в этих целях названий зубов было отмечено в якутском, эвенкийском и эвенском языках. Преподаватель тибетского языка Монгольского гос. ун-та Д о р ж рассказал о различных тибетско-монгольских словарях. Научный сотрудник Института языка и литературы Комитета наук и высшего образования МНР В а н д у й сделал доклад о состоянии современной монгольской терминологии и источниках и способах ее обогащения. Зав. сектором лексикологии того же института Л у в с а н д э н д э в доложил об изучении так называемого «Гучин джиргутату тайилбури толи» («Толковый словарь на тридцать шесть тем»), представляющего собою монгольскую часть известного пятиязычного (маньчжурско-тибетско-монгольско-уйгурско-китайского) тематического словаря («Табун джүйил-үн үсүг-ийер хабсуругсан манджу үген-ү толи бичиг»), начало составления которого относится к 1673 г. Изучение монгольской толковой части этого словаря имеет исключительное значение для монгольской лексикологии и

истории монгольской лексики периода XVII—XX вв. Вопросов лексикологии касался также научный сотрудник того же института Б а н з а р а г ч в своем обстоятельном докладе «Переводы философской и общественно-политической литературы на монгольский язык».

Цикл докладов на грамматические темы был представлен на конгрессе только сообщением Г. Д. С а н ж е е в а (СССР) «Система монгольского глагола» (преимущественно о принципах разграничения словообразования и формообразования на примере образования и изменения глаголов)⁶, докладом Г. А б э м а ц у (Япония) «Послелоги прошедшего времени монгольского глагола», где докладчик пытался выявить различия в употреблении трех изъявительных форм прошедшего времени, и докладом С. О д з а в а (Япония) «Глагольные окончания в „Сокровенном сказании“»⁷.

Созыву Первого международного конгресса монголоведов-филологов предшествовала большая подготовительная работа Комитета наук и высшего образования и других учреждений МНР, выразившаяся, в частности, в издании ряда научных монографий по проблемам монгольской филологии и публикации исключительно ценных памятников монгольской письменности⁸; были изданы также все доклады, подготовленные учеными МНР к конгрессу.

Первый международный конгресс монголоведов-филологов показал значительный рост научных кадров Монголии и углубление исследовательских работ почти во всех отраслях монгольской филологии; доклады и выступления монгольских участников конгресса свидетельствовали, что научная мысль направлена на разрешение узловых, важнейших проблем монгольского языкознания, на тщательное изучение культурного наследия монгольского народа. Поэтому все участники I конгресса дружными аплодисментами приветствовали следующие слова председателя Комитета наук и высшего образования МНР Цэвэгмид, сказанные им в заключительной речи: «Прежде монгольские народы были лишь объектом изучения со стороны зарубежных ученых. В настоящее же время они сами стали исследователями своей культуры, своей литературы, своего языка».

Г. Д. Санжеев
(Москва)

⁶ Об этом см. Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык, М., 1959, стр. 66—67.

⁷ См. об этом более подробно в его статье «Глагольные окончания монгольского языка в „Сокровенном сказании“» («Гэнтэ: хиси мо:го-но до:си гоби») в Сборнике статей Токийского института иностранных языков («То:кё гайкокуго дайгаку ронсю:»), Токио, № 4, 1955 (краткое резюме на англ. яз., стр. 106).

⁸ См., например: «Антология монгольской литературы» (XIII — XIX вв.), составленная проф. Дамдинсуреном (Улан-Батор, 1959), «Тибетско-монгольский словарь», сост. Р. Номтоевым (Улан-Батор, 1959), и др.

С 19 по 22 октября 1959 г. в Ашхабаде проходило Всесоюзное координационное совещание по вопросам методов изучения истории тюркских языков, организованное Институтом языковедения АН СССР совместно с Институтом языкознания АН Туркм.ССР. В работе совещания приняли участие более двухсот человек — специалистов-тюркологов из Москвы, Ленинграда и большинства тюркоязычных республик и областей, а также Грузии и Молдавии.

Президент Академии наук Туркм.ССР академик АН Туркм. ССР Ш. Б. Атыров в своем вступительном слове указал на актуальность широкого обсуждения вопросов о методах изучения истории тюркских языков, так как сравнительно-историческое изучение тюркских языков представляет собой наиболее отсталый участок советской тюркологии. На совещании были заслушаны четыре доклада.

Доктор филол. наук Э. В. Севортян (Москва) в докладе «Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР» дал обстоятельный обзор выполненных до сих пор исследований по истории тюркских языков и особо остановился на некоторых приемах историко-лингвистических исследований, применяемых в тюркологии. Э. В. Севортян указал на необходимость всемерного усиления роли сравнительно-исторического метода в тюркологических исследованиях и форсирования историко-фонетических и историко-морфологических разысканий, могущих служить базой для разработки исторической фонетики и исторической морфологии сначала каждого отдельного тюркского языка, затем групп языков и, наконец, сравнительно-исторической фонетики и морфологии тюркских языков в целом.

Член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников (Москва) в докладе «Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и тюркологии» особо подчеркнул необходимость использования большого опыта в области изучения истории языков, накопленного индоевропейским языкознанием. В частности, Б. А. Серебренников отметил, что созданные языковедами-индоевропейцами определенная методика изучения истории языков может быть с пользой для дела применена также при изучении истории тюркских языков; особенно это относится к технике применения сравнительно-исторического метода, которая у тюркологов гораздо менее совершенна. Б. А. Серебренников проанализировал ряд работ советских тюркологов, в которых обнаруживается нечеткое понимание сущности фонетических законов и их смешение, боязнь реконструкции форм, отождествление сравнительно-исторического изучения языков с простым сопоставлением звуков и форм родственных языков. Одним из наиболее действенных средств, способных улучшить качество работ в области сравнительно-исторического изучения тюркских языков, по мнению Б. А. Серебренникова, является решительное внедрение в практику тюрко-

логических исследований методов сравнительно-исторического изучения языков.

Изучение истории языков невозможно без создания исторической перспективы. Для создания такой перспективы необходимо, по мнению Б. А. Серебренникова, выделить из материала современных языков их наиболее древние особенности, проектировать их в прошлое, а затем уже заниматься уточнением деталей самого процесса исторического развития конкретных языков.

Член-корр. АН Туркм. ССР З. Б. Мухамедова (Ашхабад) в докладе «Опыт создания очерков по истории туркменского языка VIII—XVIII вв.» рассказала, что в качестве наиболее ранних источников она привлекла орхонские рунические памятники древнетюркской письменности, для более поздней поры — «Диван люгат-итюрк» Махмуда Кашгарского, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Ровнак-уль-ислам» Вепайи, «Гёроглы», произведения Махтумкули и некоторые другие. На основе этих памятников З. Б. Мухамедовой удалось наметить общие контуры истории туркменского литературного языка. Предстоит еще дать очерки по исторической фонетике и исторической морфологии туркменского языка.

Профессор Туркменского гос. ун-та М. Н. Хыдыров в докладе «Вопросы построения курса истории туркменского языка» поделился опытом создания вузовского курса истории туркменского языка. Источниками для построения курса истории языка послужили литературные памятники, материалы поэтического народного творчества, данные диалектов и родственных языков, а также архаичные формы в самом языке. При построении курса следует увязывать историю языка с историей народа. Это помогает, в частности, выяснить, почему огузский в своей основе туркменский язык имеет также кыпчакские черты. Наиболее трудным делом в процессе воссоздания истории языка оказывается реконструкция его древнего фонетического и грамматического строя. Поэтому на первых порах курс истории языка неизбежно отражает по преимуществу его внешнюю историю.

По этим четырем докладам развернулась оживленная дискуссия. Так как тюркологи впервые поставили на обсуждение проблему исторического изучения языков в таком широком масштабе, дискуссия велась сразу по целому ряду вопросов. Все же в центре внимания выступавших был вопрос о характере приемов сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

Проф. В. И. Цинциус, Т. М. Гаринов и другие поддержали докладчиков и высказались в том смысле, что методы сравнительно-исторического исследования должны быть едины как для индоевропейских, так и для тюркских языков. Сообщив о своем опыте успешного использования сравнительно-исторического метода при исследовании тунгусо-маньчжурских языков, В. И. Цинциус подчеркнул, что

Этот метод дает возможность восстановить древнее состояние языка и является единственным методом научного предвидения у языковедов. Но это не значит, что его не нужно совершенствовать. Сравнительно-исторический метод сводится к восстановлению исходной звуковой формы слова — восстановлению архетипов. Раскрывая сущность сравнительно-исторического метода, В. И. Цинциус отметила, что его составные приемы заключаются в выявлении соответствий, чередований звуков, а также в установлении эволюции тех или иных форм. Т. М. Гаринов поставил также вопрос о необходимости применения сравнительно-исторического метода при анализе морфологической структуры тюркских языков.

Конкретные приемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса тюркских языков рассматривались в выступлении Н. З. Гаджиевой. В частности, используя метод соответствий, широко применяемый в индоевропестике, можно выявить общетюркские стандартизованные синтаксические конструкции. Проф. В. В. Решетов, проф. А. М. Демирчизаде, А. С. Джафаров и другие высказались лишь за уточнение методики применения сравнительно-исторического метода на материале тюркских языков, так как эти последние по своему строю существенно отличаются от индоевропейских.

В. В. Решетов особо подчеркнул значение диалектологических данных и, в частности, данных исторической диалектологии для воссоздания истории языка.

А. М. Демирчизаде в своем выступлении сделал попытку наметить круг задач исторического изучения тюркских языков с помощью сравнительно-исторического метода, причем первоочередной задачей он назвал классификацию и периодизацию тюркских языков. Только сравнительно-исторический метод, по его мнению, может установить огузскую и кыпчакскую доли участия в образовании того или иного конкретного тюркского языка.

Проф. Н. А. Баскаков и Х. А. Машаков высказались против использования в тюркологии разработанных индоевропейским языкознанием приемов сравнительно-исторических исследований. Они высказались за разработку особого варианта сравнительно-исторического метода, отвечающего специфическим особенностям тюркских языков, в которых действуют свои внутренние законы развития, связанные с историей племенных союзов. В связи с последним обстоятельством Н. А. Баскаков считает необходимым наряду с исследованием праязыковых форм изучать и исторические общности. Считая неотложной задачей тюркологов создание сравнительно-исторических грамматик, Н. А. Баскаков предлагает при сравнительном анализе языков соблюдать определенную хронологическую последовательность: давать сравнительно-исторический анализ сначала в пределах группы близко родственных языков, затем в пределах группы

языков, более далеких в своем родстве, и т. д. Такой метод Н. А. Баскаков предлагает называть «дифференцированным» сравнительно-историческим методом.

Большинство выступавших сошлось на мнении, что сравнительно-исторический метод предполагает установление системы звуковых соответствий (В. М. Наделяев, С. Кудайберген, Ш. Сарыбаев, Ш. Шукуров, С. Ахаллы и др.). Ш. Шукуров подробно остановился на фонетических соответствиях $p \parallel \vartheta, n \parallel \lambda, k \parallel \dot{y}$ и других. В вопросе о тюркологических соответствиях $ш \parallel с, в \parallel б, ц \parallel ш$ и других (всего около 15) посвятил свое выступление С. Кудайберген. В. М. Наделяев указал на особую необходимость учета фонемного состава конкретных тюркских языков.

Оживленное обсуждение вызвал также вопрос об источниках изучения истории конкретного языка (М. Рагимов, С. Муталлибов, А. С. Джафаров, С. Кудайберген, Е. И. Убрятова, Н. А. Баскаков, В. В. Решетов). Е. И. Убрятова рассказала о той большой работе, которая уже проделана в области изучения памятников. К сожалению, эта работа остается неизвестной из-за издательских трудностей.

В некоторых выступлениях ставился вопрос о выделении на основе общепризнанных источников изучения истории языка наиболее древних фонетических и грамматических форм и конструкций, а также их эволюции (Н. З. Гаджиева, М. Рагимов, Ш. Шукуров), вопрос о развитии литературных языков (Э. Н. Наджип и Х. Д. Дерьяев), а также вопрос о построении курса истории литературного языка (А. И. Исакаков, Э. Н. Наджип, А. А. Коклянова, Х. А. Машаков).

Е. И. Убрятова и А. И. Исакаков подчеркивали необходимость усовершенствования подготовки кадров историков-тюркологов. А. И. Исакаков внес ряд предложений научно-организационного характера, которые были поддержаны всеми участниками совещания и позже включены в резолюцию: составление проблематики историко-лингвистических исследований, создание аннотированной библиографии по истории тюркских языков, переиздание ценных памятников древнетюркской письменности и др.]

В единогласно принятой резолюции отмечается, что в нашей отечественной тюркологии имеется значительный опыт в проведении исследований в области истории тюркских языков. В исследованиях тюркологами применялся и применяется сравнительно-исторический метод, который является наиболее надежным в практике исследования истории различных языков, в том числе и тюркских. Однако в использовании этого метода на материале тюркских языков имеются существенные недостатки. Совещание высказалось за решительное внедрение в практику тюркологических исследований сравнительно-исторического метода и в

то же время за необходимость учета специфики структуры тюркских языков.

Ф. Д. Ашин, Н. З. Гаджиева
(Москва)

22—24 октября 1959 г. кафедрой русского языка МГПИ им. В. И. Ленина была проведена Первая научно-методическая конференция Московского межвузовского объединения кафедр русского языка педагогических институтов. На открытии конференции присутствовало более 150 человек. Кроме представителей институтов Московского объединения, в конференции приняли участие и языковеды Москвы, Ленинграда, Орла, Воронежа, Ростова, Краснодар, Армавира, Николаева.

На двух пленарных заседаниях были заслушаны четыре доклада. Директор Института русского языка Академии наук СССР акад. В. В. Виноградов прочитал доклад на тему «Состояние и перспективы развития советского славноведения»; сотр. того же института доктор филол. наук А. И. Ефимов — на тему «Вопросы изучения языка писателя»; зав. сектором диалектологии Института русского языка АН СССР доктор филол. наук В. Г. Орлова — на тему «О составлении региональных словарей русских диалектов»; член кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина доктор филол. наук Н. Н. Прокорович — на тему «Некоторые вопросы теории синтаксиса».

На конференции работали 3 секции: современного русского языка (председатель — зав. кафедрой русского языка Московского городского пед. ин-та им. В. П. Потемкина доктор филол. наук И. А. Василенко); изучения языка писателя (председатель — член кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина доктор филол. наук Д. Н. Введенский); русской диалектологии (председатель — зав. кафедрой русского языка МОПИ акад. АПН доктор филол. наук А. В. Текучев). Число участников секционной работы — примерно человек до 40 в каждой секции, а в последний день в секции современного русского языка присутствовало до 60 человек.

Имея в виду сосредоточить наибольшее внимание на освещении отдельных важнейших проблем русистики, не разбрасываясь по многим частным вопросам, а также стремясь связать свою научную работу с практическими нуждами преподавания в высшей и средней школе, секции заслушали и обсудили основные вопросы синтаксиса простого и сложного предложения в современном русском языке, проблемы изучения языка писателя (с особым интересом к произведениям А. П. Чехова в связи со столетним юбилеем со дня рождения), задачи составления зональных диалектологических словарей, в особенности словаря народных говоров Московской области, при участии аспирантов и студентов.

К конференции работниками кабинета русского языка МГПИ им. В. И. Ленина

была подготовлена выставка научных трудов кафедр русского языка институтов Московского объединения. Участники конференции ознакомились с Лабораторией звукокиноаппаратуры МГПИ им. В. И. Ленина и прослушали произведенные здесь же записи диалектного произношения. Намечено издание основных итогов конференции для ознакомления с ними широкой педагогической общественности.

Можно надеяться, что проведенная конференция поможет лучшему выполнению закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

Для продолжения работы Московского межвузовского зонального объединения кафедр русского языка конференция наметила: 1) созвать совещание зав. кафедр русского языка всех институтов объединения совместно с Ученой комиссией по русскому языку Министерства просвещения РСФСР для рассмотрения 7-летнего плана научно-исследовательской работы и важнейших программно-методических вопросов и 2) подготовить организацию Второй научно-методической конференции по вопросам преподавания языковедческих дисциплин в пед. институтах и работы в 8-летней общеобразовательной политехнической школе. Было избрано постоянно действующее бюро объединения в составе 5 человек.

И. Г. Голанцев
(Москва)

В 1-м МГПИИЯ 17—20 ноября 1959 г. состоялась конференция по вопросам грамматики германских и романских языков. В работе конференции приняли участие 324 научных работника из 67 городов Советского Союза, в том числе из Алматы, Баку, Вильнюса, Еревана, Иркутска, Киева, Ленинграда, Магнитогорска, Тбилиси, Фрунзе и др.

Первым был заслушан доклад В. Г. Адмони (Ленинград), посвященный проблеме точности при характеристике грамматических явлений. Докладчик подчеркнул необходимость отличать понятие точности при характеристике грамматических явлений от понятия точности в других науках. Это связано не только со спецификой языка, но и с многоаспектностью и многослойностью грамматических явлений, а также с неравномерностью наличия этих аспектов у отдельных грамматических явлений. Поэтому подлинная точность характеристики достигается не однолинейным определением, а указанием на все многообразие и взаимосвязанность явлений, а также на доминантность одних из них по сравнению с остальными.

В своем докладе «Синонимия и взаимозаменяемость некоторых сложных слов и словосочетаний в современном немецком языке» М. Д. Степанова (Москва) указала, что некоторые сложные слова синонимичны соответствующим словосочетаниям. Синонимия таких единиц не идентична их взаимозаменяемости, которая определяется структурно семантическими

ти контекстуальными условиями. Анализ этого явления подтверждает шаткость границ в ряде случаев между функциями грамматических и лексических единиц.

Доклад В. Н. Ярцевой (Москва) был посвящен вопросу об архаизмах в грамматическом строе языка. Для архаизмов, которые следует отличать от отмирающих малопродуктивных конструкций, характерна не только изолированность в общей системе грамматических форм, но и пережиточность самого конструктивного образца, исторически объясняемого как остаток некогда распространенного грамматического типа.

М. С. Гурьева (Москва) показала в своем докладе «Критерии выделения частей речи» (на материале французского языка), что эти критерии зависят от системы конкретного языка. При изучении частей речи привлекаются обычно синтаксический и лексико-семантический критерии, однако забвение третьего — морфологического — приводит к неточностям классификации. С помощью именно этого критерия могут быть разрешены некоторые спорные вопросы грамматической классификации слов, например, вопрос о границах отдельных частей речи.

Большую дискуссию вызвал доклад Б. А. Ильиша (Ленинград), посвященный служебным словам в современном английском языке. Без разрешения вопроса о грамматическом и лексическом значениях служебных слов невозможно построение грамматической системы языка. В современном английском языке необходимо определять грамматические значения, объединяющие соответственно предлоги и частицы. Особого рассмотрения требуют артикли и послелоги.

В докладе Е. И. Шендельс (Москва) был освещен вопрос о сближении полярных грамматических значений. Полярные значения, объединенные одной грамматической категорией, представлены обычно парными грамматическими формами и выражены немаркированной и маркированной формами. Полярность связана с многозначностью грамматической формы; таким образом, формы, полярные в одних значениях, в других оказываются синонимичными.

Ряд докладов был посвящен проблеме модальности предложений. М. Д. Натанзон (Москва) различает внутри общей категории модальности категории реальности и предположительности. Внутри категории предположительности можно различить ряд подвидов: предположительность «в чистом виде», условность потенциальную и ирреальную, желательность и побудительность. С модальностью предложения сочетаются, не входя в нее, утверждение и отрицание.

Модальность вопросительных предложений в немецком языке была освещена в докладе Л. Г. Фридман (Ростов-на-Дону). Докладчик, указав, что в вопросительных предложениях с вопросительным словом возможна лишь ирреально-предположительная, а в вопросительных

предложениях без вопросительного слова — «вопросительная» модальность, остановился далее на различных типах модальности, присущей ряду других видов вопросительных предложений.

На данных анализа интонационного явления модальности был построен доклад О. А. Норк (Москва) «Некоторые синтаксические функции интонации». Исходя из фонетических наблюдений, указал докладчик, следует различать первичную и вторичную модальность. К первичной относится модальность достоверности и недостоверности и, кроме того, целый ряд различных модальных оттенков, например ирония и др. Вторичная модальность включает в себя интеллектуальную и эмоциональную модальность. Разновидности вторичных модальностей наслаиваются на первичную. Эта многослойность может быть изучена лишь на основе экспериментально-фонетических исследований интонации.

Вопросы морфологии разбирались в докладе Е. М. Гордон (Москва) «Некоторые вопросы страдательного залога в современном английском языке», а также в выступлениях Э. Г. Чамоковой (Орджоникидзе), Т. Я. Гольденберг (Москва), Л. И. Астровой (Фрунзе), А. Б. Горштейна (Томск).

Теория членов предложения (на материале французского языка) была рассмотрена в докладе Л. И. Илья (Москва), применивший к определению членов предложения методы структурного анализа.

Б. Л. Осотская (Петровзодск) остановилась на особенностях сильного обособления в английском языке. Вопросы разграничения обстоятельств и дополнений в английском предложении осветила Т. Н. Степанова (Москва).

В ряде докладов и сообщений нашли отражение вопросы, связанные с проблемами словосочетания. О. И. Москальская (Москва) выступила с докладом «Словосочетания с грамматической направленностью». Н. И. Филиппович (Москва) на материале глагольных словосочетаний остановилась на управлении как способе синтаксической связи. Вопросы словосочетания были освещены и в докладе Р. М. Дрониковой (Киев) «Именные предложные словосочетания с временным значением».

Проблемы теории и строя предложения разбирались во многих докладах. Е. В. Гулыга (Москва) осветила вопросы теории сложноподчиненного предложения на материале некоторых работ немецких зарубежных лингвистов. О развитии теории сложного предложения говорила в своем докладе Т. Г. Белова (Москва).

Доклад Э. Г. Ризель был посвящен одному из грамматико-стилистических вопросов синтаксиса современного немецкого языка, так называемому *Auflöserung* (упрощению). Это явление, когда взаимосвязь членов предложения и грамматических структур становится менее прочной и сложной, проявляется в стремлении к конструкциям примыкания, к приложениям,

к переходу от гипотаксиса к различным видам сочинения, к конструкциям общего падежа и т. п. Благодаря ослаблению связи между отдельными элементами предложения и их упрощению увеличивается экспрессивность и убедительность речи. Описанные явления приводят также к известному сближению между нормами письменной и устной речи. Проблемам синтаксиса разговорного немецкого языка были посвящены также доклады Л. И. Поляковой (Москва) и П. Ф. Монахова (Калуга).

З. П. Гаркунова (Москва) в своем докладе показала, что видо-временные формы представляют одно из средств связи частей сложного предложения, и употребление их, следовательно, может рассматриваться как показатель слитности частей сложного предложения. В. А. Бельская (Москва) в докладе остановилась на синтаксической идиоматике языка. Е. К. Никольская (Москва) посвятила свой доклад вопросу о синтаксической синонимике (на материале французского языка).

М. А. Балабан (Черновцы) доложил о результатах структурного анализа аффиксации в системе английского словообразования. Система английского аффиксального словообразования была рассмотрена как система, включающая лексические и грамматические элементы структуры языка, на основе критерия сочетаемости элементарных языковых единиц (морфем). На основе определения сочетаемости 55 словообразовательных аффиксов с 1000 производящих основ были выявлены аффиксы, обладающие сочетаемостью, независимой от семантики производящей основы, а также аффиксы, обладающие избирательной сочетаемостью.

Ряд сообщений был посвящен сопоставительному изучению языков. Так, в докладе Е. Б. Ройзенблит и В. Г. Гака (Москва) рассматривался вопрос о принципах такого сопоставления на материале французского и русского языков в синхронном плане. Сопоставление имени прилагательного в таких разнотипных языках, как английский и азербайджанский, явилось темой доклада Р. А. Гайбовой (Баку). А. Н. Копылов (Ростов-на-Дону) доложил о результатах сопоставительного исследования трех лексем: *chat*, *manger*, *viande* — в серии предложений, построенных из этих лексических единиц.

На конференции был заслушан также ряд докладов, посвященных методике преподавания грамматики иностранных языков. Докладчики и выступавшие в прениях отметили целесообразность и необходимость проведения такого рода межвузовских конференций по вопросам грамматики. Материалы конференции будут опубликованы в «Ученых записках» 1-го МПИИИЯ.

М. Д. Городникова, Е. В. Розен
(Москва)

С 25 по 28 ноября 1959 г. в Варшаве проводила свою работу созданная по инициативе Польской Академии наук Международная диалектологическая конференция по вопросам общеславянского атласа.

Со времени IV Международного съезда славистов в ряде славянских стран, особенно в Польше и Чехословакии, началась оживленная деятельность по разработке вопросов, связанных с подготовкой общеславянского атласа и, в частности, по разработке проекта его будущего вопросника — программы. Некоторые материалы, явившиеся результатом этой подготовительной работы, были опубликованы⁹.

На конференции были заслушаны доклады по вопросам общетеоретического характера: С. Б. Бернштейна (СССР) «К вопросу о структуре общеславянского атласа», Б. Гавранка (Чехословакия) «Теоретическая проблематика общеславянского атласа» и М. Павловича (Югославия) «Основы общеславянского атласа с точки зрения проф. А. Белича», а также доклады, посвященные разработке определенных разделов или общей проблематики будущего вопросника общеславянского атласа: Эд. Штибера и Г. Конечной (Польша) — по разделу фонетики, П. Ивича (Югославия) — по разделу морфологии, В. Дорошевского (Польша) — по вопросам словообразования и И. Бауэра (Чехославия) — по вопросам синтаксиса (последний доклад обсуждался в отсутствие автора на основе опубликованного в журнале «Slavia» текста). Детальному рассмотрению подвергся также представленный проект лексического вопросника.

Из числа общетеоретических положений наиболее оживленно обсуждался вопрос о временных границах, к которым могут относиться явления, включаемые в общеславянский атлас. Большинство участников конференции сошлось на том, что в атласе должны быть представлены явления, связанные в своем возникновении с праславянским периодом и периодом, непосредственно примыкающим ко времени его распада, когда имели место процессы, представлявшие развитие языковых основ. Явления более позднего периода самостоятельной жизни славянских языков, например такие, которые связаны с формированием систем безударного вокализма в русском и болгарском языках или перестройкой различий по родам, или распространением аналитических конструкций в склонении и под., должны, по мнению участников конференции, остаться за пределами атласа как развивающиеся в весьма специфических условиях значительно разошедшихся в своем развитии

⁹ См. статьи Лампрехта, И. Бауэра, И. Немца в журн. «Slavia», гош. XXVIII, seš. 4, 1959; см. также выпущенные диалектологической лабораторией, руководимой проф. В. А. Дорошевским, 2 варианта проекта «Вопросника по лексике для общеславянского атласа».

систем и потому нередко не являющихся объектом для сопоставления.

В процессе обсуждения подчеркивалось, что общеславянский атлас должен быть ориентирован на те явления, которые представлены в устно-разговорной речи населения, говорящего на местных территориально-ограниченных разновидностях языка. В связи с этим он не отразит, например, особенностей развития литературных славянских языков и не осветит тот круг фактов, которые, являясь в настоящее время достоянием народных говоров, представляют собою в них результат воздействия общенародных языков.

Весьма интересовал участников конференции также вопрос об отличиях программы для общеславянского атласа от программ атласов отдельных национальных славянских языков и о том, будут ли карты общеславянского атласа во всех случаях иметь самостоятельное значение или явятся иногда фактически сводкой того, что показано на картах национальных атласов.

Обсуждение показало, что общеславянский атлас в ряде случаев представит на своих картах новые темы, которых не было в атласах отдельных славянских языков, например потому, что те или иные явления не имеют дифференциации в своем территориальном распространении в пределах данного языка. Установлена была также возможность показать некоторые явления в общеславянском атласе в ином аспекте, чем в отдельных национальных атласах, иногда на ином материале, в определенных случаях в большей зависимости от моментов лексического порядка. Наконец, известный круг карт общеславянского атласа представит также, видимо, и сводку данных, собранных для атласов национальных языков, иногда уже картографированных, а иногда еще и не картографированных, в связи с тем, что подготовка отдельных атласов задерживается, что увеличивает значение подготовки наряду с другими также и подобных карт.

Проект фонетического вопросника Зд. Штибера содержал перечень явлений, по большей части восходящих к праславянскому периоду (судьба сочетаний *or*, *ol*, гласных *ǫ*, *ē* и под.), в основном намеченный с учетом данных всех славянских языков. В своей конкретной части (примеры, послужившие для разработки вопросника) этот проект опирался лишь на польский материал. Указывалось, что при дальнейшей разработке этого вопросника необходимо еще пополнение круга привлекаемых явлений; необходима постановка таких вопросов, которые выявляли бы в более общем виде некоторые характерные тенденции развития славянских языков; необходим больший учет фонетики отдельных слов, иногда имеющих весьма своеобразные ареалы распространения, а также разработка вопросов на материале слов, широко распространенных в славянских языках. Интересные предложения к программе по фонетике сделала Г. Ко-

нечна, предложившая предусмотреть также вопросы, посвященные фонетическим тенденциям общего характера.

Предложения из области морфологии, сделанные П. Ивичем (Югославия), касались флексии имен и строились преимущественно на основе сравнения форм, взятых со стороны их материального звукового выражения. При обсуждении этих предложений подчеркивалась необходимость представить вопросы морфологического характера также и со стороны значений и именно эти последние подвергать сравнению на картах атласа.

Как уже указывалось, особое внимание было уделено проекту лексического вопросника, представленного лабораторией В. Дорошевского. Многие выдвинутые в проекте вопросы подвергались критике, поскольку соответствующие им слова относятся к понятиям, отсутствующим во многих славянских языках (например, названия ряда животных, растений и т. д.). Другие вопросы, также вызывавшие возражения, касались слов, которые едва ли окажутся варьирующимися в разных славянских языках (имеются в виду такие слова, как *голова*, *рука*, *ноза*, *камень*, *река* и под.). Подчеркивалась необходимость включать в словарь лексику, которая могла бы быть получена от любого лица, говорящего на данном диалекте, независимо от его дополнительной (помимо сельского хозяйства) специализации в каком-либо виде производства. Возражение вызвало и включение вопросов, связанных с явно поздними по своему возникновению предметами и процессами, относящимися ко времени интенсивного распространения городской культуры и тем самым к определенным слоям лексики.

С другой стороны, отмечалось, что в вопроснике по лексике отсутствуют еще многие необходимые вопросы, в частности очень слабо представлена неперспективная лексика, например глаголы со значением весьма существенных и повсеместно распространенных процессов, слова, связанные с эмоциональной оценкой, и др. Отсутствовал в представленном проекте лексического вопросника также раздел, который был бы предназначен для выявления различий в значениях одних и тех же слов на разных территориях («от слова к значению»).

Многие участники конференции высказывались против включения в общеславянский атлас вопросов синтаксического порядка, указывая прежде всего на то, что вопросы диалектного синтаксиса слабо разработаны по отношению к отдельным национальным славянским языкам, что создает серьезные затруднения при самой разработке вопросника. Подчеркивалась также значительная трудность собирания данных по синтаксису. Сторонники включения синтаксиса в общеславянский атлас видели в этом стимул для дальнейшего разветвления соответствующих изучений, подчеркивая, что, хотя синтаксические различия и являются недостаточно резкими в пределах диалектных групп от-

дельных славянских языков, они оказываются более отчетливыми при сравнении славянских языков между собою.

Конференция приняла решение вести разработку программы по синтаксису для общеславянского атласа, учитывая и те предложения, которые были сделаны в упомянутой выше статье И. Бауэра. Было также принято решение продолжать работу над программой по общеславянскому атласу, причем представители отдельных стран решили сотрудничать в разработке определенных разделов. Так, разработка раздела фонетики будет продолжена в Польше и СССР; морфологии — в Югославии и Чехословакии; словообразования — в Чехословакии, Польше и Болгарии; синтаксиса — в Чехословакии, Польше и Югославии; лексики (раздел «от значения к слову») — в Польше; лексики (раздел «от слова к значению») — в Польше и СССР. Установлен срок представления проектов — к 15 сентября 1960 г.

Зд. Штиберу было поручено подготовить к апрелю — маю 1960 г. проект фонетической транскрипции, которая будет применяться при собирании материалов для общеславянского атласа.

В. Г. Орлова
(Москва)

1 декабря 1959 г. в Стокгольме по инициативе доцента Стокгольмского университета Г. Бирнбаума состоялось совещание по вопросу организации научной работы в области машинного перевода в Швеции. С докладами на совещании, в котором приняли участие языковеды, математики, сотрудники Королевского Технического института в Стокгольме, инженеры—специалисты по вопросам связи и др., выступили доц. Г. Бирнбаум и инженер У. Доппинг. В докладе Г. Бирнбаума были изложены общие предпосылки для научной и практической работы по машинному переводу в Швеции. У. Доппинг в своем докладе дал отчет о находящихся в стране вычислительных машинах, пригодных и для машинного перевода, а также о машинах, заказанных на ближайшие годы. Единогласно было принято предложение Г. Бирнбаума об организации рабочего коллектива по вопросам машинного перевода в составе языковедов, техников, математиков и др. Коллектив временно будет подчинен Государственному комитету по вычислительным машинам. При этом комитете будет сосредоточена и вся доступная литература по указанному предмету. Г. Бирнбаум передал комитету предварительный список соответствующей литературы, изданной в СССР. В дискуссии на совещании были обсуждены также основные вопросы, которыми надлежит заниматься вновь образованному коллективу. Одним из языков-источников для работы коллектива является русский язык.

2—3 декабря 1959 г. состоялось пятое пленарное заседание Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР. Доктор филол. наук Ф. П. Филин представил проект инструкции к «Словарию русских народных говоров» и выступил с докладом «Диалектное слово и его границы».

В своем докладе Ф. П. Филин, осветив круг источников для составления областного словаря, подчеркнул, что к настоящему времени накоплены огромные материалы по диалектной лексике, которые еще ждут должного научного анализа и обобщения и практического использования. В будущий словарь предполагается включить диалектную лексику, относящуюся к XIX—XX вв.; такое ограничение материала является в значительной степени условным, поскольку нет оснований полагать, что граница между XVIII и XIX вв. была каким-то переломным моментом в развитии говоров русского языка. Что касается географического охвата говоров, то в словарь в принципе включается лексика всех говоров русского языка. Словарь будет представлять собой свод материалов, записанных в XIX и XX вв.

По вопросу о типе словаря Ф. П. Филин решительно высказался за дифференциальный тип словаря, указав, что полный словарь абсолютно неприменим ни теоретически, ни практически к описанию лексики всех говоров русского языка, употреблявшейся на протяжении полутора столетий.

«Тип полного словаря говоров,— говорит Ф. П. Филин,— вообще возможен при определенных условиях. „Единое языковое сознание“, которое должно быть представлено в таком словаре, предполагает определенный момент времени — практически это настоящее время, поскольку в прошлом никто не сделал таких исчерпывающих записей, которыегодились бы для подобного рода словаря. Ориентация на определенную лексическую систему должна привести лексикографа к поискам реально существующей относительно обособленной диалектной единицы. Все говоры русского языка имеют, как известно, единую общенародную основу, но специфику их составляют местные особенности, которые и создают множество частных систем. Иными словами, в принципе возможен полный словарь только какого-либо одного говора или объединенной в одну лексическую систему группы говоров в их современном, доступном для детального изучения состоянии. Такой словарь был бы очень интересен во многих отношениях. Прежде всего, он позволил бы выяснять во всех деталях лексико-семантическую систему говора и пути его развития, изменения, происходящие в нем в настоящее время. Правда, составитель такого словаря встретился бы с очень большими трудностями, связанными прежде всего со все время изменяющимся соотношением местной лексики с лексикой литературного языка. Носители современных говоров неоднородны в смысле овладения ими литературным языком; лексический состав их языка неодинаков и зависит от их образо-

вания, начитанности, жизненного опыта и т. п. Носители современных говоров неодинаковы также и в их отношении к профессиональной лексике, которая также входит в реально существующую лексическую систему. Даже представители так называемого архаического говора в настоящее время в зависимости от разных обстоятельств во многом отличаются друг от друга. Обнаружить „чисто архаическую“ систему лексики без „примесей“ разных влияний практически невозможно. Так или иначе, но проблемы, стоящие перед составителями полного словаря говоров, теоретически не освещены, а практически такой словарь на русском материале еще не составлялся.

На территории русского языка, — продолжает Ф. П. Филин, — существует много частных диалектных лексических систем. Объединение всех этих систем в рамках одного словаря сразу нарушило бы самый принцип системности. Многочисленные частные системы в XIX—XX вв. значительно изменились, причем процесс их изменения происходил неравномерно: одни говоры быстрее развивались в сторону сближений с литературным языком, другие были более консервативны. Многие слова за это время вовсе вышли из употребления, другие изменили свои значения. За всем этим огромным и достаточно разнородным материалом не стоит „единое реальное языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени“, о котором писал Л. В. Щерба. Словарь русских народных говоров XIX—XX ст. по самой природе включаемых в него материалов может быть только словарем-справочником, а не „системным“ словарем. Содержащиеся в нем сведения дадут очень ценные материалы для истории того или иного слова, группы слов, различных пластов лексики и т. п., но они вовсе не предназначены для изучения истории какого-либо отдельного говора или группы говоров, хотя так или иначе могут быть использованы и для этой цели. Именно в связи с этим нет каких-либо теоретических оснований включать в словарь лексику литературного языка, употребляющуюся и употребляющуюся в речи носителей говоров. Таким образом, — заключает Ф. П. Филин, — Словарь русских народных говоров может быть только дифференциальным словарем, т. е. в него может включаться лишь диалектная лексика».

При составлении словаря с особой остротой возникает вопрос об отборе слов. Принципы отбора слов в диалектном словаре должны строиться на основе определения сущности и границ диалектного слова, с чем связаны наибольшие практические и теоретические трудности при составлении словаря будущего словаря. Ф. П. Филин приводит примеры того, как неисследованность этой проблемы приводила в лексикографической практике к значительной путанице. Наиболее характерной ошибкой было „смещение распространения слова и распространения реалии, им обозначаемой, что во всех отношениях неправомерно. Реалия может быть необщераспростра-

ненной или даже узколокальной, но слово, обозначающее эту реалию, может в пределах языка не иметь изоглоссы, т. е. быть общенародным, а не диалектным.

Решающим признаком принадлежности слова к диалектной лексике является локальная ограниченность его употребления, т. е. наличие у слова изоглоссы в пределах территории, которую занимает язык. Как известно, этот признак характеризует и любое другое диалектное явление. Диалектных слов общерусского распространения и употребления не бывает». Это определение уточняется в плане возможных отношений слов, имеющих изоглоссы в народных говорах, к лексике литературного языка в ее теперешнем состоянии. «Имеются два типа слов с изоглоссами в пределах самой диалектной речи: 1) слова, не входящие в лексический состав литературного языка (в любую из его разновидностей) — *скорбдить, дёуже, братан* и т. п., и 2) слова, которые входят в тот или иной пласт литературной лексики. Ко второму типу относятся такие слова, как *лаять*, в говорах противопоставленное слову *брезать*, соответственно *ржать* (*гоготать*), *очень* (*дёуже, гораздо, порато* и др.), *навоз* (*назём, нагём, озём*), *ухват* (*рогач*) и т. д. В архаичной диалектной речи слова типа *лаять, очень* и пр. распространены далеко не повсеместно и имеют изоглоссы». Однако, поскольку при определении принадлежности слова к диалектной лексике мы не можем не исходить из отношения слов к словарному составу литературного языка, для нас очевидно, говорит Ф. П. Филин, что слова типа *лаять* не подлежат включению в дифференциальный диалектологический словарь. Таким образом, „диалектным словом (единственным объектом „Словаря русских народных говоров“, как и любого дифференциального диалектологического словаря) является слово, имеющее локальное распространение и не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)».

Нужно заметить, что для носителей говоров диалектное и общерусское слово обычно равноценны. Принадлежность слова к разряду диалектизмов выясняется только в результате сравнения лексики говора с лексикой всех других говоров и с лексикой литературного языка. Самым общим мерилом такого сравнения является лексика литературного языка, лексика общерусская. В самой же системе отдельного говора диалектных слов (с позиции носителей говора) нет. Поскольку диалектизмы в полном своем объеме выявляются только в процессе сравнения лексики местной речи с лексикой литературного языка, можно считать, что диалектизм — категория стилистическая. Диалектное слово, попав в сферу литературного языка, может приобретать различные функции, которых оно не имеет в местной речи. Однако из этого вовсе не следует, что в языке существуют разные типы диалектизмов, требующие принципиально различных определений. Диалектное слово всегда может иметь только одно общее определение, соответствующее

щее тому месту, которое оно занимает в общей системе языка.

Отмечая, что диалектизмы — исторически изменяющаяся категория, Ф. П. Филин особо останавливается на вопросе о границах диалектной лексики и намечает практические пути для определения различий между диалектной лексикой, с одной стороны, и, с другой стороны, лексикой разговорно-просторечной, специальной терминологией, так называемыми «этнографизмами», архаической лексикой, наконец, разного рода индивидуальным словотворчеством, в том числе и теми новообразованиями, которые получают какое-то территориальное распространение и употребляются какой-то отрезок времени. Все перечисленные разряды лексики не должны включаться в дифференциальный областной словарь, если они принадлежат той или иной сфере литературного языка. Разумеется термины местных промыслов и ремесел, «этнографизмы» и прочие слова будут включаться в словарь, если они являются диалектизмами. В сомнительных случаях вопрос всегда будет решаться также в пользу включения, а не исключения этих слов. Что же касается различных новообразований, то они являются мнимыми диалектизмами, поскольку диалектные слова вновь не создаются и не могут создаваться в силу того, что диалекты в наше время являются отмирающими единицами языка.

В заключение своего доклада Ф. П. Филин рассматривает вопрос о границах между лексическим и фонетическим, лексическим и грамматическим явлениями, отмечая, что авторы предыдущих диалектологических словарей имели очень смутные представления об этой проблеме, результатом чего явилось смешение лексики и фонетики, лексики и грамматики, характерное почти для всех старых словарей. Диалектные слова можно разделить на два основных типа: а) слова, отличающиеся от слов общерусских своим морфологическим и фонетическим составом, иначе, своим материальным оформлением; эти слова условно можно назвать лексическими диалектизмами; б) слова, отличающиеся от соответствующих общерусских слов своими значениями; такие слова условно можно назвать семантическими диалектизмами.

Такие разновидности лексических диалектизмов, как слова, корни которых отсутствуют в литературном языке (ср. *дежя́, лоня́, кво́лый, наслю́д* и под.), а также образования от корней, представленных в словарном составе литературного языка (причем слова в говорах имеют свое особое значение; ср. *наве́м, поэ́м, сузе́м, зобня́, наса́д* и под.), являющиеся несомненным объектом словаря, так же как и так называемые семантические диалектизмы (типа *погода* «непогода», *насе́дка* «насест», *мост* «сени» и под.). То же самое можно сказать и о таких лексических диалектизмах, которые представляют собой слова с теми же корнями и значениями, что и в литературном языке, но в ином аффиксальном оформлении (типа *черны́ца, черны́га* «черника», *березня́е* «березник», *насе́в* «по-

сев», «засев» и под.). Гораздо сложнее обстоит дело с теми производными словами, в которых граница между лексическими и грамматическими функциями аффиксов является трудно уловимой, неопределенной. Во всяком случае, диалектные собственно грамматические различия как таковые не могут служить признаком, по которому слово должно помещаться в дифференциальный диалектологический словарь. Иначе следует отнестись к словам с теми же корнями, аффиксами и значениями, что и в литературном языке, но с фонематическими различиями, не являющимися элементами фонетических и морфологических систем говора. Такие явления, как *иржа́ — ржа́, омийа́нник — мийа́нник, оляня́й — льяня́й, кома́р — кома́рь* и под., носят характер лексических различий в отличие от тех, которые связаны с существующими в говорах фонетическими и морфологическими закономерностями.

Выступавшие в прениях единодушно отметили научную актуальность «Словаря русских народных говоров», необходимость продолжения работы над ним и скорейшего ее завершения, так как этот словарь явится первым изданием такого рода. В связи с этим указывалось (В. Н. Сидоровым, И. А. Оссовецким и др.), что, хотя по практическим соображениям словарь должен быть дифференциальным, желательны максимальная его полнота и решение всех спорных случаев в пользу включения слова.

Наиболее решительно за недифференциальный характер словаря выступили В. Н. Сидоров и Л. П. Жуковская. Вместе с тем подвергалась сомнению правомерность стремления докладчика дать какое-то универсальное определение понятия «диалектное слово», одинаково приемлемое и для диалектолога, и для лексикографа.

В обсуждении принял участие доцент Краковского университета М. Карась. Он отметил большие совпадения между установками доклада Ф. П. Филина и принципами, которые польские диалектологи собираются положить в основу работы над аналогичным словарем, но нашел, что в проспекте преувеличивается значение географического критерия, тогда как необходимо равновесие трех критериев — формального, семантического и географического. Нужно учитывать также и жаргонно-арготический характер некоторой части диалектной лексики.

Словарная комиссия признала «Проспект Словаря русских народных говоров» достаточно подготовленным к опубликованию и правильно намечающим основные принципы составления словаря.

Вторым вопросом повестки было обсуждение «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера и ряда проблем, связанных с этимологическими исследованиями.

Во вступительном докладе канд. филол. наук О. Н. Трубачева было отмечено, что выход этимологического словаря М. Фасмера является большим событием в славистике, так как словарь А. Г. Преоб-

раженского во многом уже не может удовлетворить современным требованиям. Обсуждение словаря М. Фасмера должно дать повод для постановки ряда принципиальных вопросов, связанных с составлением этимологических словарей, удовлетворяющих современному состоянию науки. Эти вопросы касаются необходимой степени полноты словника (вопросов включения ономастики, топонимики, диалектной лексики и т. п.), критериев для выделения слова или его производной формы в особую словарную статью, соотношения между собственно этимологической и исторической частью словарной статьи, наконец, построения словарной статьи в связи с необходимостью отражения в ней различных предыдущих решений этимологической задачи и с определением места собственных этимологий составителя. О. Н. Трубачев считает недопустимым введение в этимологический словарь индивидуальных экспериментов автора, как это делается В. Махком.

Традиционные принципы этимологических исследований, которых придерживаются в своих словарях М. Фасмер и Э. Френкель (составитель литовского этимологического словаря), следует признать более результативными, чем преувеличение роли нарушения звуковых соответствий и роли экспрессивных моментов, наблюдаемое у Я. Отрембского, В. Маха и К. Яначка.

В докладе канд. филол. наук В. Н. Топорова¹⁰ «О некоторых теоретических основах этимологических исследований (в связи с оценкой словаря Фасмера)» были с большой остротой поставлены вопросы, касающиеся радикальной перестройки принципов этимологических исследований на основе вводимых в лингвистику новых методов, вытекающих, по мнению докладчика, из признания системного характера языка и долженствующих приблизить и эту отрасль языкознания к точным наукам. Задачами этимологических исследований В. Н. Топоров считает «определение координат разных систем, пересечение которых порождает данное слово», а также определение последующей «траектории» слова. Он считает полезным перенесение в данную область ряда понятий и терминов кибернетики и теории информации («операторы», «борьба с шумами», «черный ящик» и др.) и ставит вопрос о возможности создания «структурной этимологии». Особое внимание было уделено докладчиком вопросу о связи этимологических исследований с математически разработанной «теорией игр», а также проблеме «построения общей модели акта этимологизирования».

Канд. филол. наук Э. А. Макаев указал в своем докладе, что в отношении использования материалов индоевропейской этимологии словарь М. Фасмера

занимает промежуточное положение между двумя основными типами словарей индоевропейских языков: одним, где индоевропейские этимологии занимают значительную часть словаря, и другим, где они привлекаются лишь как материал для уяснения истории слов данного языка. По мнению докладчика, в словаре Фасмера почти отсутствует та система лексической стратиграфии, которая получила свою разработку в работах В. Порцига, Э. Бенвениста, В. Пизани, Э. Френкеля и др. Не всегда последовательно решены в словаре акцентологические проблемы, хотя для относительной хронологии славянских заимствований они могут иметь очень важное значение. Возражение может вызвать явное предпочтение фонетической и грамматической разработке лексики в словарной статье в ущерб семасиологической стороне. В приемах реконструкции не наблюдается какой-либо единой системы: иногда дается только общеславянская праформа, а иногда — индоевропейский архетип. В заключение Э. А. Макаев отметил, что, несмотря на указанные недостатки, словарь Фасмера подводит итог изучению лексики славянских языков, русской топонимики и ономастики и отчасти исторической лексикологии русского языка.

докладом на тему «О принципах построения словарной статьи в этимологическом словаре» выступил канд. филол. наук Н. М. Шанский. По его мнению, структура словарной статьи почти целиком определяется ее содержанием¹¹. Большим достоинством словаря М. Фасмера является наличие в нем значительного количества словарных статей, посвященных этимологии внутриславянских дериватов, и то, что многие слова, дававшие Н. Горяевым и А. Преображенским лишь в качестве производных, вынесены Фасмером в особую словарную статью. Это не только оправдывается практически, но и правильно с методологической стороны. Недостатком словаря Фасмера является отсутствие, как правило, объяснения реального происхождения слова в самом русском языке. Сопоставления с другими языками и выяснение этимологии корня не объясняют происхождения слова в данном языке; все это — только материал для построения этимологии внутри данного языка.

Доклад доктора филол. наук В. С. Севортяна был посвящен тюркским элементам в словаре М. Фасмера. В этом докладе дана высокая оценка уровню тюркологических знаний Фасмера по сравнению с авторами других западноевропейских этимологических словарей. Однако во многом материал и толкование в словаре Фасмера зависят от «Опыта словаря тюркских наречий» акад. В. В. Радлова. М. Фасмер недостаточно учитывает новейшие тюркологические исследования, в частности тюркскую лексикографию, в СССР. Не использованы Фасмером и не-

¹⁰ Доклады О. Н. Трубачева и В. Н. Топорова будут с некоторыми сокращениями опубликованы в № 3 «Вопросов языкознания» за 1960 г.

¹¹ См. Н. М. Шанский, Принципы построения русского этимологического словаря..., ВЯ, 1959, № 5.

заменяемые до сих пор словарями Л. Будагова и Махмуда Кашгарского, но вместе с тем недостаточно критическим является его отношение к словарю венгерского тюрколога Вамбери. В дальнейшем Э. В. Севортян рассмотрел основные требования, предъявлявшиеся к тюркским этимологиям польским ученым Т. Ковальским и Н. К. Дмитриевым, подчеркнув, что исчерпывающее применение положений этих двух ученых пока еще остается не реализованным. Основная часть доклада была посвящена конкретному рассмотрению отдельных этимологий М. Фасмера.

Аналогичный характер имел доклад члена-корр. АН СССР В. А. Серебrenникова, посвященный финно-угорским этимологиям. В. А. Серебrenников обобщил результаты рассмотренных им 315 русских слов финно-угорского происхождения, включенных в словарь Фасмера, из которых более 250 слов является заимствованиями из сапорофинских языков. Он указал много спорных и несколько явно неверных этимологий и попутно отметил неточности приведения материала из севернорусских говоров. По мнению докладчика, эти частные недостатки не снижают значения словаря М. Фасмера, в котором русские слова финно-угорского происхождения впервые даны с такой полнотой.

В выступлении доктора филол. наук А. А. Белецкого было также подчеркнуто, что словарь М. Фасмера представляет собой неоспоримое достижение и выдерживает сравнение с лучшими новейшими славянскими этимологическими словарями (Славского, Махка, Голуба и Копечного, Младенова). Вместе с тем в наше время составление такого словаря одним ученым, являющегося своего рода «подвигом», неизбежно связано с пробелами и недостатками, и поэтому будущее этимологических словарей принадлежит коллективным работам. Некоторые недостатки словаря Фасмера объясняются неизбежным субъективизмом исследователя в выборе этимологических решений. В задачи нового этимологического словаря русского языка должна быть включена статистическая обработка материала, проверка критериев установления генетических связей слова с учетом теории вероятности. Требуется также большее внимание к культурно-историческому контексту развития слова и его значения. В заключение А. А. Белецкий указал также и на недостатки обсуждаемого словаря в области акцентологии (словенский и кашубский материал).

В прениях наибольшее внимание было уделено докладу В. Н. Топорова и поставленным в нем общим вопросам. Доктор филол. наук Т. П. Ломтев, признавая некоторую неудовлетворительность «традиционных» приемов этимологизирования и законность поисков новых методов, считает большинство вводимых В. Н. Топоровым или переносимых им из других областей знания понятий неприменимыми к специальной области этимологи-

ческих исследований. В особенности неприменимо понятие «черного ящика», так как это понятие связано с реакцией организма на поведение экспериментатора; язык же на поведение лингвиста реагировать не может. Несопоставимы также теория этимологических исследований и «теория игр».

Ст. научн. сотр. В. Д. Леви н остановился на соотношении приемов этимологических исследований с методами сравнительно-историческим и структурным и утверждал, что этимология как учение о происхождении слов не может прийти в противоречие со сравнительно-историческим методом, но и в ней могут быть применены структурные методы постольку, поскольку они в настоящее время оказывают сильное влияние на все сравнительно-историческое языкознание, в котором теперь сопоставляются не изолированные факты, а системы родственных языков.

Канд. филол. наук К. Гаузенблас (Прага), выступая по докладу В. Н. Топорова, остановился на следующих вопросах:

1. Можно ли к этимологии применить структурный метод исследования? Этимология является по сути дела лишь частью лексикологии. Ее основные методологические принципы должны быть те же, что и в других разделах лексикологии. Следовательно, структурный анализ, если он применим к изучению словарного состава, применим также и к этимологии.

2. Возможен ли синхронный этимологический анализ? По традиции пражской школы, в каждой области языковедения надо строго различать синхронный и диахронный анализ, применяя к полному изучению языка оба эти принципа. В исследованиях по фонологии и грамматике это уже почти всеми принято. Гораздо сложнее обстоит дело в области изучения происхождения слов, но и здесь необходимо применять те же принципы.

3. В понимании синхронной этимологии современного языка следует учитывать возможность двух разных концепций: а) разъяснение возникновения новых слов и их значений и б) установление взаимосвязи отдельных слов, толкования их значимых частей на основе других слов в чисто синхронном плане. Но здесь следовало бы говорить не об этимологии, а скорее о мотивации и отдельных элементов словарного состава. Эта область называется обычно словообразованием, однако оба эти явления (т. е. образование одного слова от другого и мотивированность одного слова другим) надо различать. В словарном составе существуют слова мотивированные рядом со словами изолированными. Насколько известно, ни в одном языке не сделано еще анализа всей словарной системы с точки зрения мотивации слов, т. е. строго синхронного анализа. Было предпринято такое исследование в Институте чешского языка Чехословацкой АН на материале чешского языка. Подготовлен к печати первый том этой работы, посвященный системе

имен существительных. При подробном анализе оказалось, что надо различать разные виды мотивации слов: мотивацию по одной линии (*mládě* «детеныш») мотивировано словом *mladý* («молодой») и мотивацию по нескольким линиям (например, *práče* «ребенок, урожденный в Праге» словами *Praha, pražský*); мотивацию в одном направлении (*trojče* «один ребенок из тройки» мотивировано словом *troji* «трое») и мотивацию взаимную (*mně* «пренебрежительно о маленьком ребенке» — *mněmú* «очень маленький»); далее мотивацию слабую (*babče* «сорт косточковых фруктов» — *baba* «старая женщина»), несущественную (*robě* книжн. «младенец» — *roba* диал. «женщина»), случайную или мнимую («народную»): появляется не только в художественной речи, но и в речи путочной и т. д.; мнимые («народные») этимологии иногда влияют и на литературные формы слов. Синхронный словообразовательный анализ в смысле мотивированности слов может не совпадать с анализом морфологическим.

Обращаясь к вопросу об этимологическом словаре В. Махка, который О. Н. Трубачев подверг резкой критике, К. Гаузенблас согласился, что в этом словаре есть пробелы, однако указал и на ряд его достоинств, прежде всего заключающихся в том, что в этом словаре приводится много нового и удачно истолкованного материала, особенно из диалектной лексики. В результате словарь, несомненно, окажет большую помощь при составлении словарей других славянских языков.

Ст. научн. сотр. Б. В. Горнунг отметил большую четкость изложения в докладе В. Н. Топорова: совершенно ясно, какие термины употреблены метафорически и в каких случаях устанавливается аналогия в точном смысле. Поэтому ясно и то, с чем можно согласиться и что является методологически неприемлемым для всех остающихся на позициях так называемого «традиционного языкознания». Можно полностью присоединиться к тем аналогиям, которые проводились в докладе между этимологическими исследованиями и «теорией игр», поскольку это вполне правомерно в плане эвристических приемов (поисков этимологического решения). Но если эту аналогию переносить также в план историко-генетических объяснений и исторических интерпретаций, то придется согласиться с Т. П. Ломтевым, который данную аналогию решительно отвергает. Недостатком доклада, по мнению Б. В. Горнунга, является отсутствие в нем постановки вопроса о принципиально

равноценных при данном состоянии науки этимологий.

Канд. филол. наук К. П. Авдеев считает, что большие достоинства словаря М. Фасмера не снимают задачи скорейшего создания в СССР нового этимологического словаря русского языка. К. П. Авдеев подробно характеризовал все то, чего вправе ожидать, по его мнению, от этимологического словаря обращающийся к нему лингвист или просто человек, который интересуется значением и происхождением слов. Словарь Фасмера может ответить далеко не на все подобные вопросы (это положение иллюстрируется примерами). В этимологический словарь необходимо вводить некоторые элементы толкования слов.

Итоги обсуждения были подведены в заключительном слове председателя Словарной комиссии члена-корр. АН СССР С. Г. Бархударова, который отметил высокую оценку, данную словарю М. Фасмера советскими лингвистами, и указал, что, несмотря на это, перед ними должна стоять задача создания этимологического словаря русского языка нового, более совершенного типа.

Н. Н. Уханова
(Москва)

Памяти члена-корр. АН СССР проф. Н. К. Дмитриева было посвящено состоявшееся 21 декабря 1959 г. заседание секторатюркских языков Института языкознания АН СССР при участии тюркологов Института востоковедения АН СССР, Института восточных языков при МГУ им. М. В. Ломоносова, а также языковедов союзных республик — Башкирии, Казахстана, Татарии, Туркмении.

В своем вступительном слове Э. В. Севортян кратко охарактеризовал основные аспекты исследовательской работы Н. К. Дмитриева, подчеркнув связь изысканий ученого с практическими запросами развития тюркских языков в СССР. На заседании были прочитаны доклады Э. А. Гр у н и н о й (Ин-т восточных языков при МГУ) «Лексикологические взгляды Н. К. Дмитриева» и Л. С. Левитской «Н. К. Дмитриев-этимолог»; результаты коллективной работы сектора, начатой по инициативе Н. К. Дмитриева и под его руководством, были изложены А. А. К о к л я н о в о й в докладе «Вопросы исторического развития лексики тюркских языков».

Г. В.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

С мая 1959 г. Объединением по машинному переводу при 1-м МГПИИЯ издается периодический бюллетень «Машинный перевод и прикладная лингвистика»¹². Статьи,

¹² Подписку (наложенным платежом) на бюллетень «Машинный перевод и прикладная лингвистика» следует направлять по

публикуемые в бюллетене, касаются как конкретных вопросов машинного перевода, строения алгоритмов, так и общетеоретических вопросов структурной лингвистики.

адресу: Москва, Метростроевская, 38, 1-й МГПИИЯ, Лаборатория машинного перевода.